

Исторический вестник. 2023. Т. XLIII

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.43.001

В.И. Гольцов

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И МЕСТЕ СБОРНИКА «ВЕХИ» В ЕЕ ИСТОРИИ

Анализ изданного в 1909 г. сборника «Вехи» невозможно отделить от рассмотрения более широкой проблемы — истории и особенностей русской общественной мысли. А говоря об этой проблеме, в свою очередь нельзя не задать вопрос о причинах наличия в ней большого количества сюжетов, посвященных обустройству и даже спасению собственной страны.

В России было множество теорий, посвященных ее истории и проблемам, т.е. рефлексирующих, самокопающихся. Пожалуй, по их количеству Россия превосходит другие страны мира. Естественно, возникает вопрос: почему в ней столь сильно была развита историческая, социальная и иная рефлексия? Почему столь большое влияние имела русская литература и публицистика, в результате чего, образно говоря, поэт в России был больше, чем поэт? По этому поводу хоть и иронично, но весьма точно высказался писатель В. Пьецух: «Это удивительно, но русская личность издавна находится под владычеством, даже игом родного слова. Датчане своего Кьеркегора сто лет не читали, французам Стендаль, пока не помер, был не указ, а у нас какой-нибудь саратовский учитель из поповичей напишет, что ради будущего нации хорошо

было бы выучиться спать на гвоздях, и половина страны начинает спать на гвоздях»¹.

Сказано вроде бы не совсем серьезно, но задуматься есть над чем. Почему так?

Если говорить о литературоцентризме, то это явление, по-видимому, нетрудно объяснить. По причине отсутствия долгое время публичной политики, партий, демократии в целом писатель заменял собой и политика, и парламентария, и общественного деятеля. Сложнее объяснить большое количество теорий обустройства, реформирования, осчастливливания России.

Думается, можно выделить несколько причин такого явления. Увы, в истории России было много проблем, трудных, даже трагических моментов. Понятно, что если в некоей стране все благополучно, вряд ли в ней большое количество людей возьмется за перо и начнут писать рецепт ее спасения. В России же окружающие невеселые обстоятельства подталкивали большое количество думающих, чувствующих, рефлексирующих людей изобрести именно такой рецепт.

Другая же причина касается не столько объективной ситуации в стране, сколько менталитета русского образованного сословия, которое такого рода теории и конструировало. Ведь если даже в какой-либо стране будет много проблем, но образованное сословие в ней будет сыто и безразлично, вряд ли в этой стране появится большое количество подобных теорий. А русская интеллигенция, во всяком случае, в рассматриваемый в статье период, обладала умением воспринимать чужую боль. И этот менталитет сыграл важную роль для написания теорий подобного рода.

Более чем ярко это показывает судьба А.Н. Радищева. Вполне благополучный чиновник совершил путешествие из столицы новой в столицу старую. Что же он увидел в пути? Он увидел огромное количество людского горя. Он увидел ситуацию, когда крестьян не считают за людей, когда с ними обращаются хуже, чем со скотом. И Радищев написал свою знаменитую фразу: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала». Вот этот моральный посыл очень важен. Радищев взялся за перо и написал книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», чтобы попытаться изменить ту жуткую ситуацию, которую он наблюдал во время своей поездки.

Осмысление рецепта, сформулированного Радищевым в своей книге — права крестьян на восстание, — тема отдельного разговора. Обра-

¹ Пьецух В. Новая московская философия // Новый мир. 1989. № 1. С. 54.

тимся еще раз к моральному таланту и Радищева, и других — умению ощущать чужую боль как свою. Именно этот талант вкупе с большим количеством российских проблем и горестей и дал то множество теорий, авторы которых пытались разработать рецепт обустройства собственной страны.

Но есть еще одна причина появления большого количества рефлексизирующих теорий в русской общественной мысли. Ее трудно сформулировать, ибо она касается не просто ментальных, а весьма деликатных моментов. У русской интеллигенции была черта, может быть, наивная, но очень трогательная и очень позитивная. Ее представители считали, что после такого количества страданий, которые были в отечественной истории, после такого количества испытаний, которые пришлось пережить народу, обязательно должно наступить воздаяние. Обязательно должен наступить тот период, когда будет все благополучно и благоустроено. Обязательно должен наступить некий «град обетованный». Обязательно должно наступить некое «прекрасное далеко». И представители образованного сословия, которые писали и думали об этом, считали, что если этого не наступит, то жизнь теряет смысл. Жизнь бессмысленна, если умирает надежда, которая, как известно, умирает последней. Представители русской интеллигенции считали, что это неправильно, несправедливо, не по-людски, не по-божески, когда после такого количества горя и страданий не наступит отдохновения. Им казалось, что стоит немножко напрячься, стоит приложить усилия — и можно изобрести рецепт, благодаря которому это «прекрасное далеко» станет реальностью. Они считали, что этим надо заниматься, что это их моральный долг. И вот поэтому теории, посвященные социальной и прочей рефлексии, обязательно сопровождались конкретным рецептом — как обустроить Россию. Вот так появилось огромное количество рефлексизирующих теорий и рецептов спасения собственной страны.

Возникает вопрос: на основании чего делается вывод именно о таком менталитете русской интеллигенции? Хотя бы на основании тех мыслей и настроений, которые бытуют в русской классической литературе, отразившей российские реалии, в значительной степени в литературе XIX в. Возьмем, к примеру, пьесы Чехова, в которых происходят очень русские истории: герои разговаривают, пьют чай, удят рыбу, а в это время разбиваются их жизни. Дядя Ваня (Иван Петрович Войницкий) в кульминации одноименной пьесы говорит страшные слова: «Пропала жизнь». Он понимает, что посвятил ее ничтожному,

недостойному человеку. Он пытается заполнить образовавшийся у него в душе вакуум нудной канцелярской работой — управляющим именем, но это не дает результата. Поэтому он переписывает счета и плачет. Его утешает племянница Соня: «Мы, дядя Ваня, будем жить. Проживем длинный-длинный ряд дней, долгих вечеров; будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба; будем трудиться для других и теперь, и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрем и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и бог сжалятся над нами, и мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой — и отдохнем. ... Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежной, сладкою, как ласка. Я верую, верую... *(Вытирает ему платком слезы.)* Бедный, бедный дядя Ваня, ты плачешь... *(Сквозь слезы.)* Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнем... *(Обнимает его.)* Мы отдохнем!»²

В финале этой же пьесы есть еще одна очень важная сцена. Доктор Астров, земский врач и подвижник, перед отъездом подходит к стене в провинциальном имении, в котором происходило действие, где кто-то, когда-то, зачем-то повесил карту Африки, долго стоит около этой карты, а потом произносит фразу, на первый взгляд не означающую ничего, но в которой содержится глубокий смысл: «А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарница — страшное дело!»³

На постановке пьесы «Дядя Ваня» в Нижнем Новгороде среди прочей публики был А.М. Горький. После спектакля в ноябре 1898 г. он писал Чехову: «На днях смотрел “Дядю Ваню”, смотрел и — плакал как баба, хотя я человек далеко не нервный... Для меня — это страшная вещь. Ваш “Дядя Ваня” — это совершенно новый вид драматического искусства, молот, которым Вы бьете по пустым башкам публики... В последнем акте “Вани”, когда доктор, после долгой паузы, говорит о жаре в Африке, — я задрожал от восхищения перед Вашим талантом и от страха за людей, за нашу бесцветную, нищенскую жизнь...»⁴

² Чехов А.П. Дядя Ваня // Собр. соч. В 12 т. М., 1963. Т. 9. С. 532.

³ Там же. С. 531.

⁴ Горький М. Письмо А.П. Чехову, вторая половина ноября 1898 г. // Собр. соч. В 30 т. М., 1954. Т. 28. С. 46.

Так почему же Горький задрожал от страха за людей? И сколько же таких слез по поводу бесцветной, нищенской жизни было пролито в России?

Очевидно потому, что герои «Дяди Вани», да и других чеховских пьес очень точно выразили мироощущение русского человека, трагизм его положения. Уездный доктор в российской глуши вглядывается в карту далекой Африки, где он никогда не был и не будет. Только ли о жаре он думает? Соня переписывает счета за постное масло и гречневую крупу, но надеется после длинной череды трудных и унылых дней увидеть небо в алмазах. Героини чеховской пьесы «Три сестры» — Ольга, Маша и Ирина, живущие в провинциальном городе, мечтают о Москве, где обязательно сбудутся все их желания. В «Вишневом саде» семейное имение продают за долги, деревья вырубают, но молодые люди — Аня и Петя Трофимов — верят: «Вся Россия — наш сад».

Итак, здесь тьма, нищета и холера, но там, наверное, тепло, весело и беззаботно. Сейчас нам тяжело, но потом мы отдохнем. В провинциальном городке разбиваются наши судьбы, но в Москве мы обретем счастье. Мы не сумели спасти собственное имение, но во всей России мы будем как дома. Итак, где-то там — в Москве, в Африке или на небесах — будет хорошо, спокойно и счастливо.

Вдумчивого зрителя не могло не тронуть созвучие мыслей героев чеховских пьес и очень многих людей в России, которые среди убожества окружающей жизни думали об идеале, находящемся где-то далеко. Стремление к некоему «граду обетованному» волновало их умы и сердца. Они надеялись его достичь. Они считали это возможным и справедливым, ибо верили, что после такого страдания и горя обязательно должно наступить воздаяние. Нужно только постараться и придумать рецепт, который поможет сделать так, чтобы желанное там настало, наконец, *з д е с ь*.

Отсюда стремление найти, изобрести, во что бы то ни стало придумать способ спасения себя, близких, народа, страны. Отсюда и отмеченное уже явление: ни в одной стране мира не создавалось такого количества рецептов спасения и счастья народа. По этому поводу кто-то грустно пошутил, что смысл жизни — чисто русское изобретение: его выдумали у нас от отсутствия предметов первой необходимости. Так или иначе, но вопрос, выражаясь словами А.И. Солженицына, «как нам обустроить Россию», существовал в России столько, сколько жили в ней совестливые, нравственно рефлексирующие и думающие люди.

Проектам таких преобразований люди посвящали порой всю свою жизнь. Авторы этих теорий часто платили очень высокую цену за право

говорить то, что думают. В своих поисках они переживали изменения своих убеждений, часто очень болезненные, разочаровывались в смысле прожитой жизни, порывали с прошлым, принимали на себя удары со стороны властей, испытывали горечь непонимания и враждебности со стороны общественности и даже близких людей. Не говоря уже о ситуациях, когда за убеждения расплачивались жизнью.

И вот все вместе это дало нам огромное количество теорий, посвященных роковым русским вопросам «кто виноват» и «что делать», теорий обустройства России, теорий, объясняющих пути и методы достижения поставленных целей.

Затронув тему причин большого количества теорий в рамках русской интеллектуальной истории, в рамках русской общественной мысли, перейдем к тем способам достижения «прекрасного далека», которые в них встречаются. Тем более что сборник «Вехи» был ярким выразителем одного из таких способов, хотя при этом вызвал недовольство авторов, отстаивающих иные рецепты.

Существовало два основных направления во взглядах на переустройство России, на способы этого переустройства. Одна часть мыслителей считала (и небезосновательно), что все зло — во внешнем неустройстве. Следовательно, надо изменить общественный и государственный строй, законы, другими словами — внешние порядки. Тогда автоматически изменится и человек. Эта идея развивалась представителями социалистической и либеральной мысли. В ее основе у социалистов лежала идея о приоритете общественного над личным, о зависимости добра и зла в человеке от внешних условий. Социалисты (особенно марксистские социалисты) рассматривали человека как сумму общественных отношений, поэтому все усилия направляли на переустройство общества. Соответственно, мыслители социалистического толка разрабатывали проекты изменения внешнего мира, совершенно или почти не интересуясь внутренним миром человека, его духовными исканиями. Либералы верили в разум человека, в неограниченные возможности человека, но опять же направленные на изменение внешних условий. Идея, почерпнутая либералами из века Просвещения, заключалась в том, что сила человеческого разума способна подметить все несовершенства окружающего мира и преодолеть их, изменив мир к лучшему.

Другое направление, которое было принято называть консервативным (и для этого есть основания), исходило из того, что прежде всего должен измениться человек. Они считали, что изменения общественных условий без совершенствования человека могут привести к опас-

ным последствиям. Часть мыслителей, принадлежащих к этому направлению, считала необходимым внутреннее совершенствование человека без какого-то изменения окружающего мира. Другая их часть — и таких было большинство — вовсе не отрицала, несмотря на распространенное на этот счет заблуждение, необходимости внешних изменений для России. Они были более чем очевидны. Другое дело, что прочным основанием для всяких изменений в обществе эта часть мыслителей считала изменения в человеке.

Иными словами, спор между представителями двух направлений общественной мысли шел не по поводу того, менять или нет российские условия — положительный ответ на этот вопрос ни для кого не был дискуссионным, кроме разве что замшелых ретроградов. Спор шел по поводу того, как менять эти условия — на основе изменения внешних форм жизни, не думая при этом о внутреннем мире человека, считая, что он сам изменится как следствие внешних изменений, или на основе внутренних изменений в человеке, считая, что общество в целом может измениться только тогда, когда изменится человек.

Идеи о приоритете внутреннего переустройства над внешним можно встретить существенно раньше, чем были написаны «Вехи». Но все-таки именно этот сборник был наиболее ярким выразителем подобных взглядов. Тем более что его без преувеличения можно отнести к числу наиболее знаменитых русских публицистических книг.

Выйдя в свет в марте 1909 г., за короткий срок «Вехи» выдержали пять изданий. Менее чем за год после выхода первого издания в периодической печати было опубликовано более 220 рецензий и откликов. Быстро появилось несколько сборников, полемизирующих с концепцией «Вех» — так называемых контрвеховских сборников. Среди них — сборники «В защиту интеллигенции» (М., 1909), «По “Вехам”». Сборник об интеллигенции и национальном лице» (М., 1909), «Интеллигенция в России» (СПб., 1910), «“Вехи” как знамение времени» (М., 1910). Состоялись десятки публичных диспутов. В полемике вокруг «Вех» участвовали знаменитые ученые, политики, писатели, общественные деятели; среди них П.Н. Милюков, В.М. Чернов, А.В. Пешехонов, В.И. Ленин, А.Н. Толстой, А. Белый (Б.Н. Бугаев), Д.С. Мережковский, В.В. Розанов и др.

Долгие десятилетия в отечественной исторической литературе сборник «Вехи» характеризовался в рамках известной оценки, данной Лениным в публичном реферате «Идеология контрреволюционного либерализма (Успех “Вех” и его общественное значение)», с ко-

торым он выступил в ноябре 1909 г., и, главным образом, в его статье «О “Вехах”», опубликованной в декабре 1909 г. в газете «Новый день». В этой статье, как известно, Ленин охарактеризовал сборник «Вехи» как «энциклопедию либерального ренегатства» и «сплошной поток реакционных помоев, вылитых на демократию»⁵. Следуя своей обычной манере выявлять классовую, партийную сущность всякого анализируемого явления, Ленин категорично заявил, что, «как бы ни отрекались от них («Вех». — В.Г.) отдельные кадеты... — остается несомненный факт, что “Вехи” *выразили несомненную суть современного кадетизма*. Партия кадетов есть партия “Вех”»⁶. Вывод ленинской статьи был однозначен: «“Вехи” — крупнейшие вехи на пути *полнейшего разрыва* русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями»⁷.

В соответствии с этой оценкой долгое время в советской литературе, в том числе и учебной, сборник «Вехи» оценивался в контексте так называемого периода реакции и служил «доказательством» наступления контрреволюции в области идеологии. Сюжет о «Вехах» в учебниках обычно помещался рядом с сюжетами о русской культуре Серебряного века, которая в то время характеризовалась исключительно как реакционная, упадническая, декадентская, с критикой богоискательства и богостроительства и даже с упоминанием романа М.П. Арцыбашева «Санин», который трактовался чуть ли не как полупорнографический. Об авторах сборника говорили как об утонченных, образованных, а поэтому самых опасных защитниках восторжествовавшей реакции.

В конце 1980-х — 1990-е гг. интерес к сборнику возродился. Ряд издательств осуществил его переиздание. Вышло репринтное издание сборника⁸. Следует отметить представляющее интерес для исследователей переиздание «Вех» вместе с контрвеховским сборником «Интеллигенция в России» и с приложением «Вокруг “Вех”», содержащим многочисленные высказывания известных политиков, общественных деятелей, литераторов о веховской концепции⁹. Начала осуществляться

⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 168, 173.

⁶ Там же. С. 167.

⁷ Там же. С. 168.

⁸ Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Репринтное воспроизведение сборника 1909 г. М., 1990.

⁹ Вехи. Интеллигенция в России: Сборники статей 1909–1910 / Сост., коммент. Н. Казаковой; предисл. В. Шелохаева. М., 1991.

попытка переосмыслить значение сборника, сначала, главным образом, в публицистике, затем — в научных статьях и диссертациях.

Первое время на фоне преодоления стереотипных оценок прошлого превалировал апологетический подход в отношении веховцев и высказанных ими идей. В дальнейшем исследователи «Вех» стали давать более объективную оценку того вклада, который внесли авторы сборника в развитие отечественной общественной мысли, пытаться осмыслить и объяснить бурную полемику вокруг «Вех». Стало заметно смягчение оценочных суждений и освобождение их от чрезмерной политизации.

Несмотря на это, проблема оценки и осмысления «Вех» остается пока, на мой взгляд, решенной не до конца. Большинство авторов анализируют сборник в каком-нибудь одном аспекте, связанном с направлением своего научного интереса¹⁰. Сборнику в целом, его внутренней неоднородности и противоречивости уделяется недостаточно внимания. Хотя есть и удачные исключения из этой общей тенденции. Например, в статье В.Э. Багдасаряна и С.И. Реснянского показано, что А.С. Изгоев не согласился с общей платформой сборника, сформулированной М.О. Гершензоном, а П.Б. Струве требовал удалить из второго издания статью Гершензона¹¹.

Трудность анализа «Вех» заключается в том, что сборник очень политизированный, а сам анализ тесно связан с аксиологическим фактором. При всем стремлении к объективности историк не может быть полностью свободным от своих мировоззренческих установок, своей ценностной системы координат. Так как эти установки и системы различны, то и оценка такого сборника, как «Вехи», будет различной. Это приводит к тому, что одни авторы относятся к концепции сборника критично, а другие и сейчас во многом повторяют позицию веховцев. Так, в вышеупомянутой статье ее авторы, несмотря на справедливую, на мой взгляд, констатацию того, что попытка рассмотреть концепцию сборника с какой-либо одной позиции несостоятельна, а сами «Вехи»

¹⁰ Лазарева А.Н. Интеллигенция и религия (К историческому осмыслению проблематики «Вех»). М., 1996; Маслин М.А. «Вехи»: Россия, зарубежье и современный контекст // Вестник Московского университета. Серия 7 «Философия». 2009. № 4. С. 3–17; Портнягина М.А. Русский либерализм после революции 1905–1907 гг. (Общественно-политические позиции С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона А.С. Изгоева). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994; и др.

¹¹ Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Сборник «Вехи» в контексте общественной полемики о путях развития России: опыт интроспективного анализа // Вестник РУДН. Серия «Истории России». 2015. № 1. С. 33.

включают в себя несколько конфликтующих философий¹², одновременно однозначно, с позиций наиболее консервативных веховцев начинают критиковать современный креативный класс, который, по их мнению, продолжает ту же самую раскольническую деятельность, как и интеллигенция веховского периода¹³. Они абсолютно в некритическом по отношению к концепции «Вех» духе сожалеют, что «поставленный авторами “Вех” диагноз-предостережение радикальной либеральной интеллигенции в том, что она представляет собой инокультурный анклав, чуждый традиционным духовно-нравственным ценностям, не был воспринят ни тогдашней интеллектуальной либеральной средой, ни нынешним поколением ее потомков»¹⁴.

Учет аксиологического фактора при исследовании «Вех» вовсе не предполагает того, чтобы каждый конкретный историк проявлял мировоззренческую всеядность. Это невозможно, да и не нужно. Нужно, чтобы исследователь, пришедший к определенным результатам под влиянием собственной системы ценностей, не скрывал эту систему и не выдавал свои выводы за единственно правильную интерпретацию исторического процесса. Надо, чтобы историк, имея право на собственные убеждения, не умалчивал о других выводах и трактовках, которые существуют в иных ценностных координатах.

Говоря о современной историографии «Вех», нужно также подчеркнуть, что понимание сборника и в особенности его места в идейно-политических спорах начала XX в. возможно только в контексте исследования русской общественной мысли, ее истории, особенностей и основных направлений, что наличествует не всегда. Хотя очевидно, что отделять проблемы, связанные со сборником «Вехи», от данного контекста нецелесообразно. Поэтому в настоящей статье предпринимается попытка показать значение социальной, политической и духовной рефлексии русского общества, объяснить причины наличия большого количества теорий, посвященных обустройству России, выделить намеченные русскими мыслителями основные методы совершенствования жизни в стране.

Данные сюжеты общего характера уже показаны выше. После этого необходимо реконструировать концепцию сборника. Попытаемся сделать это.

¹² Там же. С. 33–34.

¹³ Там же. С. 22.

¹⁴ Там же. С. 34–35.

П.Б. Струве

Семь авторов «Вех» — Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Михаил Гершензон, Богдан Кистяковский, Петр Струве, Семен Франк и Александр Изгоев — избрали для своего труда весьма скромный подзаголовок: «Сборник статей о русской интеллигенции». Несмотря на такое конкретное название, авторы поднимали в своих статьях очень широкие проблемы: история и перспективы развития России, пути переустройства российского общества и т.п. Кажущееся противоречие между шириной охвата проблем и конкретным подзаголовком снималось ими благодаря оригинальной трактовке сущности русской интеллигенции, которую с полным основанием можно назвать веховской. Она впоследствии была развита в других работах авторов сборника, в частности в книге Н.А. Бердяева «Русская идея».

Смысл этой концепции в выделении интеллигенции не как социального феномена, характеризующегося определенными социальными параметрами — образованием, родом занятий, культурным уровнем и т.п., а в выделении интеллигенции как феномена духовного, как группы людей, объединенных рядом духовных, мировоззренческих установок. Поэтому авторы сборника не применяли европейские мерки к определению интеллигенции, отождествляемой на Западе с понятием «интеллектуал»; наоборот, они произвели своеобразную операцию, а именно — разделили понятия «интеллигенция» и «образованный класс». В частности, П.Б. Струве в своей статье «Интеллигенция и революция» отмечал, что «образованный класс», который в России всегда

С.Н. Булгаков

составляли некоторая часть духовенства и образованное дворянство, существовал в России давно. Интеллигенция же как особый феномен, как политическая категория была, по его мнению, идейно подготовлена в эпоху 40-х гг. XIX в. и окончательно обнаружила себя в революции 1905–1907 гг. Характерные черты интеллигенции в веховском смысле, собственно говоря, и являющиеся критерием для выделения ее как таковой, по мнению Струве, есть отчуждение интеллигенции от государства и враждебность ему (так называемая «антигосударственность»), безрелигиозность и приверженность социализму как своего рода религии. При этом основную философему социализма Струве определил как положение о коренной зависимости добра и зла в человеке от внешних условий, отрицающее идею личной ответственности¹⁵. Поэтому, по мнению веховцев, интеллигенция всю свою деятельность посвятила исключительно изменению внешних условий жизни, забыв о внутреннем совершенствовании человека.

Нетрудно заметить, что, исходя из вышеизложенного, под интеллигенцией веховцами понимается социалистическая интеллигенция, преимущественно социал-демократического и народнического (неонароднического) направлений, а также часть либеральной интеллигенции. (Заметим при этом, что сами авторы сборника в основной своей массе

¹⁵ См.: Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909–1910. М., 1991. С. 139–141.

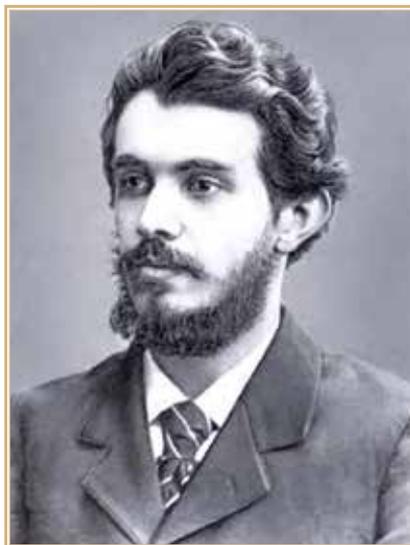
на том или ином этапе принадлежали к либеральному лагерю, который теперь стали резко критиковать — отсюда и упреки в ренегатстве, отступничестве от прежних идеалов.)

Черты интеллигенции в веховском смысле слова выделяются во всех статьях сборника. Но наиболее характерные черты интеллигенции и источники их формирования указаны в статье С.Н. Булгакова «Героизм и подвижничество».

Булгаков выделяет социальные и идейные источники формирования черт русской интеллигенции и вокруг них группирует сами черты. В качестве социального источника он называет преследования властей по отношению интеллигенции, с одной стороны, и ее оторванность от народа, несмотря на желание слиться с ним — с другой. Преследования интеллигенции, по мнению Булгакова, приводят к формированию у нее чувств мученичества и исповедничества, к весьма широко трактуемой «антибуржуазности», своеобразному ригоризму, пуританизму и аскетизму; а оторванность от жизни, от народа развивает мечтательность, утопизм, вообще недостаточное чувство действительности, стремление вызвать социальное чудо. Для интеллигенции, считал он, характерно чувство вины перед народом вплоть до готовности идти на жертвы и даже искания их; атеизм, причем не являющийся сознательным отрицанием, плодом сложной, мучительной работы ума, сердца и воли, а атеизм, берущийся на веру, сохраняющий черты наивной религиозности.

В качестве идейного источника, объясняющего многие черты русской интеллигенции, Булгаков выделяет догмат религии человекобожества, выработанный западноевропейским просветительством и, по его мнению, воспринятый интеллигенцией в упрощенной, азбучной форме. На этом Булгаков, как религиозный философ, останавливается особенно подробно, ибо безрелигиозность русской интеллигенции вызывала у него резко отрицательное отношение.

Связанную с идеей человекобожества веру в бесконечный прогресс Булгаков считает основным догматом интеллигенции. Бесконечный прогресс осуществляется силами человека. При этом все зло объясняется внешним неустройством человеческого общежития. А раз так, значит, нет ни личной вины, ни личной ответственности, и, следовательно, вся задача заключается в преодолении внешних неустройств внешними же реформами. Таков, по мнению Булгакова, исходный пункт мировоззрения русской интеллигенции, который он подробно разбирает и с которым категорически не согласен. Вдохновляясь таким подходом, пишет Булгаков, «интеллигенция наша почувствовала себя призванной

Н.А. Бердяев

сыграть роль Провидения относительно своей родины. Она сознавала себя единственной носительницей света и европейской образованности в этой стране... Она признала себя духовным ее опекуном и решила ее спасти, как понимала и как умела»¹⁶.

Отсюда, из такого подхода, считает Булгаков, вытекает и основная черта, основное свойство интеллигенции — героизм (позиция героического вызова и героической борьбы). Героический интеллигент, по мнению Булгакова, не довольствуется ролью скромного работника, его мечта — быть спасителем человечества или, по крайней мере, русского народа. Отсюда максимализм его целей и средств, признаки идейной одержимости, фанатизм. Героизм предполагает героя (личного или коллективного) и пассивный объект воздействия — спасаемый народ или человечество. Хотя все чувствуют себя героями и спасителями, нет сходства в способах и путях этого спасения. Отсюда нетерпимость и постоянные партийные распри. Крайне непопулярны среди интеллигенции понятия личной нравственности, личного самоусовершенствования.

Среди других черт интеллигенции, часто выделяющихся в сборнике «Вехи», можно назвать преклонение перед народом, крайний утилитаризм в отношении философии, науки, морали.

Русская интеллигенция в вышеуказанном понимании и с данными свойствами была подвергнута в сборнике сокрушительной критике. На нее возложили вину за деструктивный характер событий в России,

¹⁶ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Там же. С. 55.

М.О. Гершензон

в первую очередь за революцию 1905–1907 гг. Помимо этого, каждый автор обличал интеллигенцию со своей стороны, по своей «специальности».

Например, в статье «Философская истина и интеллигентская правда» Н.А. Бердяев обвинял интеллигенцию в отрицании самостоятельного значения философии и философской истины, в подчинении философии утилитарно-общественным целям.

По мнению Бердяева, интеллигенцию не интересует вопрос, истинна или ложна та или иная теория, ее интересует лишь то, послужит ли эта теория благу и интересам народа, не отвлечет ли от борьбы с самодержавием, от служения пролетариату. Бердяев с иронией заметил, что «общественный утилитаризм в оценке всего, поклонение “народу” — то крестьянству, то пролетариату, — все это остается моральным догматом большей части интеллигенции. Она начала даже Канта читать потому только, что критический марксизм обещал на Канте обосновать социалистический идеал»¹⁷. Результатом, по мнению Бердяева, явилось то, что любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу уничтожила интерес к истине¹⁸. Отдаваться философскому творчеству считалось среди интеллигенции почти безнравственным: человек, слишком погруженный в философские проблемы,

¹⁷ Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Там же. С. 29.

¹⁸ Там же. С. 30.

подозревался в равнодушии к интересам крестьян и рабочих¹⁹. Поэтому уровень философской культуры оказался в России очень низким, философские знания и философское развитие были очень мало распространены среди интеллигенции.

Инициатор сборника М.О. Гершензон свою статью «Творческое самосознание» посвятил проблемам психологического склада интеллигенции.

Исходя из принципа, что «нормальная душевная жизнь требует прежде всего внутренней сосредоточенности и свободы, а деятельность сознания должна быть устремлена внутрь, на самую личность, и быть свободна от всякой предвзятости, от всякой инородной тенденции, навязанной внешними задачами жизни»²⁰, он подверг резкой критике духовную жизнь русской интеллигенции, ее психологическое состояние. Русский интеллигент, по мнению Гершензона, не соответствует требованиям нормальной душевной жизни. Он с юных лет живет в несебя в буквальном смысле слова, т.е. признает единственно достойным объектом своего интереса и участия нечто лежащее вне его личности — народ, общество, государство. Думать о своей личности по этой логике не принято — это эгоизм, непристойность; настоящий человек лишь тот, кто думает об общественном²¹. Эти взгляды привели к тому, что интеллигенция стала «сонмищем больных», «сборищем калек» с глубоким расколом между их подлинным «я» и их сознанием. (Примечательно, что Гершензон, в отличие от других авторов «Вех», не отделял себя от интеллигенции, употреблял при подобных нелестных характеристиках ее местоимение «мы».)

Именно поэтому народ не понимает и ненавидит интеллигенцию, считал Гершензон. Он ненавидит ее не за то, что она не работает физически и образованнее его, а за то, что сознает в ней качественно иной строй души. Эта бессознательная ненависть к интеллигенции превозмогает в народе всякую корысть, так как это общий закон человеческой психики. Если на Западе народ ненавидит барина по причине зависти голодного к сытому, то между русской интеллигенцией и русским народом — иная рознь. В контексте этих рассуждений следует печально знаменитая фраза Гершензона: «Мы (интеллигенция. — В.Г.) для него не грабители, как свой брат деревенский кулак; мы для него даже не просто

¹⁹ Там же. С. 25.

²⁰ Гершензон М.О. Творческое самосознание // Там же. С. 91.

²¹ Там же. С. 85–86.

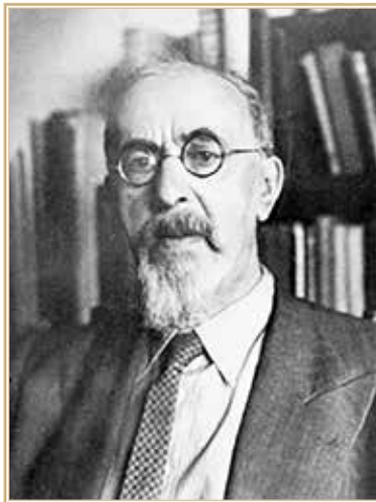
чужие, как турок или француз: он видит наше человеческое и именно русское обличие, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, вероятно с бессознательным, мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои. Как о в ы м ы е с т ь, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом — бояться его мы должны пуше всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»²². Эта фраза в советской историографии искусственно вырывалась из контекста статьи для того, чтобы продемонстрировать «падение русского либерализма». Однако смысл данного рискованного высказывания вовсе не в «апелляции к городовому», а в призыве к интеллигенции изменить свой духовный и психологический склад, без которого невозможно слияние с народом, к чему интеллигенция так стремится. Пока мы такие, какие есть, нам нельзя мечтать о слиянии с народом — вот смысл рассуждений Гершензона, а вовсе не благословение штыков и тюрем. (Сам Гершензон, которого резко критиковали за эту фразу сразу после выхода сборника, в последующих изданиях решил ее снять во избежание кривотолков.)

Гершензону принадлежит яркое описание образа жизни русской интеллигенции, не потерявшее своей актуальности и в настоящее время. «Что делала наша интеллигентская мысль последние полвека? — я говорю, разумеется, об интеллигентской массе, — задавался он риторическим вопросом. — Кучка революционеров ходила из дома в дом и стучала в каждую дверь: “Все на улицу! Стидно сидеть дома!” — и все сознания высыпали на площадь, хромые, слепые, безрукие: ни одно не осталось дома. Полвека толкутся они на площади, голоса и перебраниваясь. Дома — грязь, нищета, беспорядок, но хозяину не до этого. Он на людях, он спасает народ, — да оно легче, и занятнее, нежели черная работа дома»²³. Разумеется, слова Гершензона не следует понимать слишком буквально, он лишь продолжал развивать одну из наиболее распространенных идей сборника — о приоритете внутреннего совершенствования над изменением внешних форм жизни.

Нравственному мировоззрению интеллигенции посвятил свою статью «Этика нигилизма» С.Л. Франк. Он охарактеризовал его как морализм. Имелось в виду, что нравственные оценки и нравственные мотивы занимают в душе русского интеллигента исключительное место.

²² Там же. С. 101.

²³ Там же. С. 94.

С.Л. Франк

Но морализм русской интеллигенции есть лишь выражение ее нигилизма, под которым Франк подразумевал отрицание или непризнание абсолютных (объективных) ценностей. Такое умонастроение он назвал нигилистическим морализмом. (Примечательно, что под объективными ценностями Франк понимал теоретическую научную истину, художественную красоту, объект религиозной веры, государственное могущество, национальное достоинство и т.п.; субъективными же ценностями или мотивами субъективного порядка он обозначил влечение удовлетворить личные потребности, свои и чужие, пусть это будут даже потребности народа.) Исходя из этой посылки, Франк приходит к выводу, что «из отрицания объективных ценностей вытекает обожествление субъективных интересов ближнего (“народа”), отсюда следует признание, что высшая и единственная задача человека есть служение народу, а отсюда, в свою очередь, следует аскетическая ненависть ко всему, что препятствует или даже только не содействует осуществлению этой задачи»²⁴. Из этого вытекают другие черты интеллигентского мировоззрения: печать утилитаризма, враждебность к культуре, принципиальный революционаризм (убеждение, что основным средством осуществления морально-общественного идеала служат социальная борьба и насильственное разрушение существующих общественных форм), ненависть, приоритет интересов распределения над интересами производства и др.

При чтении сборника «Вехи» вспоминается русская пословица «Всякое лыко в строку». Что бы ни делала интеллигенция в веховском

²⁴ Франк С.Л. Этика нигилизма // Там же. С. 162.

понимании — с точки зрения авторов все плохо. Особенно убедиться в этом можно на основании статьи А.С. Изгоева (Ланде) «Об интеллигентной молодежи (Заметки об ее быте и настроениях)».

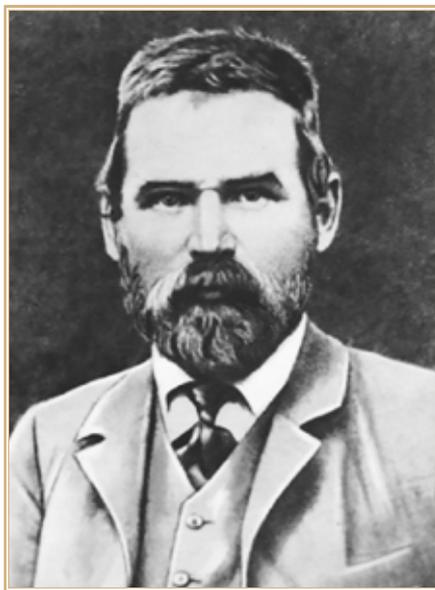
По мнению Изгоева, на наш взгляд, весьма тенденциозному, в среде интеллигенции «родители не имеют влияния на своих детей»²⁵. «Настоящей, истинной связи между родителями и детьми не устанавливается, и даже очень часто наблюдается более или менее скрытная враждебность: душа ребенка развивается “от противного”, отталкиваясь от души своих родителей. Русская интеллигенция бессильна создать свою семейную традицию, она не в состоянии построить свою семью»²⁶. Интеллигентной семье и интеллигентной молодежи достается, как говорится, «по полной» — по мнению Изгоева, такая семья не вырабатывает этических идеалов, эстетических вкусов и вообще определенного мировоззрения, не руководит чтением молодежи, не прививает ей уважения к женщине и даже... не предохраняет ее от раннего растления.

Изгоев пытается подкрепить свои умозаключения и выводы малорепрезентативным опросом студенческой молодежи, проведенным и опубликованным приват-доцентом М.А. Членовым (показательно и название этой публикации — «Половая переписка московского студенчества»). Относительно небольшое количество ответов экстраполируется Изгоевым на всю интеллигентскую среду. Ссылаясь на упомянутый опрос и сомнительные книги (например, «Страница из половой исповеди московского студенчества». М., 1908), Изгоев пугает читателя «Вех» выводами в духе «желтой прессы» о том, что среди студентов есть субъекты, начавшие свою половую жизнь с семилетнего возраста, что в наших интеллигентных семьях у детей уже с восьмилетнего возраста пробуждается опасное половое любопытство, что распространено, как он пишет, «опасное для расы зло — онанизм» и т.п.

Рассуждения Изгоева доходят даже до тенденциозного вывода расового характера, вызывающего крайне неприятные ассоциации: «Английский студент прежде всего здоров. В английских университетах вы не найдете, как среди русской революционной молодежи, 75 процентов онанистов. Английский студент в огромном большинстве случаев не знает публичных домов. Про русских передовых студентов вы этого не скажете. Английское “мускулистое животное” подходит

²⁵ Изгоев А.С. Об интеллигентной молодежи (Заметки об ее быте и настроениях) // Там же. С. 186.

²⁶ Там же.

А.В. Пешехонов

к женщине с высокими чувствами и дает ей физически здоровых детей. В Англии “интеллигенция” есть прежде всего и физический оплот расы: она дает крепкие, могучие человеческие экземпляры. В России самая крепкая физически часть нации, духовенство, пройдя через интеллигенцию, мельчает и вырождается, дает хилое, золотушное, близорукое потомство»²⁷.

И хотя в статье Изгоева есть отдельные здравые мысли о проблемах школьного и университетского образования, в целом она не носит научного характера, содержит весьма неубедительную аргументацию и, безусловно, снижает общий уровень сборника «Вехи». Вероятно, инициатор и составитель «Вех» Гершензон поместил ее для заполнения некоей педагогической ниши антиинтеллигентской направленности. Учитывая, что остальные авторы критиковали интеллигенцию с философских, этических, мировоззренческих, психологических и юридических позиций, педагогики сборнику «не хватало». А тут статья Изгоева подвернулась.

Есть ли в сборнике помимо критики интеллигенции в веховском смысле слова какая-либо позитивная программа? Да, но следует подчеркнуть, что сформулирована она в очень общих чертах. В частности, в упоминавшейся статье Булгакова «Героизм и подвижничество» интеллигентскому героизму автор противопоставляет христианское

²⁷ Там же. С. 194–195.

подвижничество. Он весьма скептически относится к идее внешнего переустройства, к задаче героизма — внешнему спасению человечества по определенному плану, даже если ради этого и придется ломать жизнь. В качестве положительной альтернативы этому и выдвигается христианское подвижничество, заключающееся в трактовке Булгакова в том, чтобы превратить свою жизнь в незримое самоотречение, послушание, исполнять свой труд со всем напряжением, самодисциплиной, самообладанием; чтобы и в труде, и в самом себе видеть лишь орудие Промысла Божьего.

Все вышеизложенное, связанное как с критикой интеллигенции в веховском смысле слова, так и с позитивной программой, представленной в сборнике в значительно меньшей степени, позволяет сделать вывод, что авторы «Вех» призывали к отказу от попыток улучшить мир путем внешних изменений. Они считали, что это может привести только к деструктивным последствиям, таким, например, как первая русская революция, и призывали к необходимости сосредоточиться на совершенствовании внутреннем. Это отмечается и в предисловии к «Вехам», написанном Гершензоном. Там подчеркивается, что, несмотря на разногласия между авторами сборника, «их общей платформой является признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития, в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства. С этой точки зрения идеология русской интеллигенции, всецело покоящаяся на противоположном принципе — на признании безусловного примата общественных форм, — представляется внутренне ошибочной, т.е. противоречащей естеству человеческого духа, и практически бесплодной, т.е. неспособной привести к той цели, которую ставила себе сама интеллигенция, — к освобождению народа»²⁸.

Прежде чем попытаться дать оценку центральной, по мнению Гершензона, идее «Вех», следует отметить один весьма существенный момент: как это ни странно, но идея первенства внутренней жизни над внешними формами общежития, объединяющая ряд статей сборника, при внимательном рассмотрении вовсе не является его общей платформой. На это обратили внимание еще современники «Вех».

²⁸ Вехи. Интеллигенция в России... С. 23.

Эклектизм в методологии сборника, при котором неизбежно будут возникать существенные внутренние противоречия, был отмечен идейным оппонентом «Вех», одним из лидеров партии народных социалистов (энесов) А.В. Пешехоновым.

В статье «На очередные темы. Новый поход против интеллигенции», опубликованной в четвертом номере журнала «Русское богатство» за 1909 г., он писал: «Перед нами не альманах, не случайный сборник, каких теперь появляется много; это книга, написанная по определенному плану.

Наперед была поставлена задача, и заранее были распределены роли.

Г. Бердяев взялся опорочить русскую интеллигенцию в философском отношении.

Г. Булгаков должен был обличить ее с религиозной точки зрения.

Г. Гершензон принял на себя труд изобразить ее психическое уродство.

Г. Кистяковский взялся доказать ее правовую тупость и неразвитость.

Г. Струве — ее политическую преступность.

Г. Франк — моральную несостоятельность.

Г. Изгоев — педагогическую неспособность.

За интеллигенцию взялось, таким образом, сразу семь писателей. ... Они дружно поработали: каждый по своей специальности постарался, да и другим помог по силе возможности. ...Обширную, хотя и неопределенную территорию охватили семь писателей своими розысками; большой, хотя и неопределенный период времени они исследовали... Каждый тщательно собирал материалы для обвинения и не менее тщательно обходил и выделял все, что могло, по его мнению, смягчить их или опровергнуть. А потом все собранное таким образом стащили в одну кучу, — и поставили на счет русской интеллигенции.

Один их прием... состоял в том, что свойственное целому роду они приписывали в качестве характерной особенности виду; другой их прием заключался в том, что они приписывали целому виду то, что им удалось подметить у той или иной из его разновидностей и даже хотя бы у отдельного индивидуума, — подметить в настоящем или в прошлом, если не в одну эпоху, то в другую.

Куча получилась не малая, — продолжал Пешехонов, — под нею, казалось бы, можно было похоронить русскую интеллигенцию. Одна беда: эта куча сама собой рассыпается. Легко понять, что при указанном методе в книге неизбежно должна была получиться масса противоречий, больше того, взаимно исключаящих друг друга положений. У одной

разновидности оказался один порок, у другой — прямо ему противоположный; для одной эпохи характерно было одно прегрешение, а другая — впадала в грех как раз обратный; много и то значит, с какой кто точки зрения смотрел: в одном и том же объекте один порок открыл, другой добродетель заметил... Соединив собранные ими материалы в одну кучу, авторы «Вех», очевидно, и сами обратили внимание, что они плохо укладываются вместе: торчат в разные стороны, — того и гляди, вся куча рассыплется. В предисловии они спешат предупредить об этом и успокоить своих читателей, что это только «кажущееся противоречие» и что происходит-де оно от того, что «вопрос исследуется участниками в разных плоскостях»...»²⁹

Методологические недостатки «Вех», сформулированные в общем виде Пешехоновым, были конкретизированы известным политиком и общественным деятелем, лидером партии конституционных демократов П.Н. Милюковым в очень темпераментной контрвеховской статье «Интеллигенция и историческая традиция», опубликованной в вышедшем в 1910 г. сборнике «Интеллигенция в России». Милюков отметил, что веховская статья Б. Кистяковского «В защиту права» опрокидывает всю концепцию сборника, как она сформулирована в большинстве статей и как ее пытается представить инициатор сборника Гершензон.

Действительно, Кистяковский критикует многих представителей интеллигенции за пренебрежение к праву, регламенту, процедуре и за противопоставление им таких понятий, как совесть, целесообразность и т.п. Таким образом, Кистяковский критикует интеллигенцию за пренебрежение не внутренней жизнью, а как раз внешними формами бытия. Статьи Кистяковского и Булгакова никак не уживаются друг с другом, их объединяет только критика интеллигенции, но с диаметрально противоположных позиций.

Помимо вывода Милюкова, можно выделить и другие противоречия в сборнике «Вехи». Они подтверждают слова Пешехонова о том, что в одном и том же объекте один автор сборника открыл порок, а другой заметил добродетель. Возьмем, к примеру, то, что веховцы называли государственностью. Если Струве писал об отчуждении интеллигенции от государства и о враждебности ее по отношению к нему (относя к этому анархизм и разные виды революционного радикализ-

²⁹ Цит. по: Там же. С. 456–457.

Б.А. Кистяковский

ма)³⁰, и писал об этом неодобрительно; если Франк, как уже отмечалось, называл государственное могущество объективной ценностью, которую интеллигенция вместе с другими объективными ценностями в силу своего нигилизма отрицает³¹, что также оценивалось в контексте его статьи негативно, то Гершензон критиковал русского интеллигента за то, что он с юных лет живет вне себя, признавая единственно достойным объектом своего интереса и участия нечто лежащее вне его личности, в том числе и государство³². Получается, что и враждебность по отношению к государству, и отрицание объективной ценности его могущества — плохо, и признание государства достойным объектом своего интереса — тоже плохо. Не говоря о том, что авторы «Вех» не уточнили, какой концепции государства они придерживаются, подобные противоречия ослабляют убедительность сборника и подтверждают правоту критики Пешехонова.

Следовательно, можно сделать вывод, что общей платформой сборника является критика либеральной и социалистической интеллигенции, но критика, ведущаяся с разных позиций, хотя идеи Булгакова и Струве повторяются чаще.

Как уже отмечалось выше, сборник «Вехи» вызвал оживленную полемику. Известно, что ее итоги оказались для авторов не очень приятными. С восторженными отзывами выступили мыслители и общественные

³⁰ См.: Струве П.Б. Указ. соч. С. 139.

³¹ См.: Франк С.А. Указ. соч. С. 159.

³² См.: Гершензон М.О. Указ. соч. С. 85.

деятели правого и даже откровенно черносотенного толка, в то время как либеральная и особенно социалистическая интеллигенция подвергла «Вехи» беспощадной критике. Попытаемся разобраться, почему так получилось.

Понятно, что социалистическая интеллигенция увидела в сборнике резкую критику как своей доктрины, так и способов ее осуществления. Несколько сложнее понять отрицательное отношение либералов к «Вехам», учитывая, что многие из веховцев в свое время так или иначе были связаны с либерализмом. Пониманию отношений либералов (в частности, кадетов) и веховцев препятствует и процитированная выше оценка Ленина, считавшего, что вся критика «Вех» частью либералов — лишь камуфляж и что «Вехи» выражают суть кадетизма. На самом деле это не так. Здесь, видимо, сказалась черта Ленина, которую имел в виду один из современных ему политиков, назвав Ленина «гениальным упрости-телем». Вероятно, сказалась и логика политической борьбы. Сборник «Вехи» с распростертыми объятиями был встречен правыми кругами. Ленин как политик не мог не воспользоваться этим для компрометации своих противников-кадетов.

Для правильного понимания отношения либералов к «Вехам» необходимо помнить, что русский либерализм был неоднородным течением, в нем было как умеренное, так и радикальное крыло. Часть либералов действительно отказалась от активной политической борьбы и в этом смысле к ним может быть применено определение «либеральное ренегатство». Но большинство либералов (в первую очередь партия кадетов, активно оппозиционировавшая правительству) не могли безболезненно воспринять упреки в адрес интеллигенции. И в самом деле: кадеты пытались реформировать российское общество (радикально реформировать — вспомним: разогнанные I и II Думы были кадетскими — но мирным путем), придать обществу хотя бы начала цивилизованности, и вдруг раздаются причитания: вы виноваты, вы разбудили темную стихию, займемся внутренним совершенствованием, а снаружи оставим все как есть. Но оставить все как есть — это значит согласиться с полицейским произволом, с отказом от внедрения элементарных свобод и т.п. Если бы такие призывы исходили из правительственного лагеря, правых кругов, это было бы, по крайней мере, понятно. Но они исходили от бывших соратников. Как можно было тут кадетам не возмутиться? Они и составили основную массу критиков «Вех».

Милюков, например, решительно отверг обвинение в безгосударственности, брошенное по адресу либеральной интеллигенции. Он от-

метил, что безгосударственны-то как раз идейные предшественники «Вех», а вовсе не те, кто выдвигает на первый план внешние формы. По мнению Милюкова, «интеллигенция (в широком смысле слова, конечно) только *одна* и была государственна в России. Она была государственна против старого вотчинного режима, против полного почти отсутствия сознания права в народной массе, против нарушений закона бюрократией и злоупотреблений законом привилегированных классов, против “темных стихий” народного инстинкта и против известной части революционных доктрин»³³. Таким образом, Милюков исходил из либеральной доктрины правового государства, а не из этатистской доктрины, к которой примкнули веховцы.

Вернемся к вопросу о той идее, которую сами авторы сборника считали центральной — к идее о приоритете внутренней жизни над внешними формами общежития.

Сама по себе эта идея не является оригинальным изобретением авторов сборника, ее истоки можно найти при желании в глубине веков. Если рассматривать обозримый период времени, более-менее сопоставимый со временем написания «Вех», то можно заметить, что эта идея была распространена в 40-е гг. XIX в. Ее можно легко найти у славянофилов или в более ярко выраженном виде у Гоголя времен его религиозных исканий, в его работе «Выбранные места из переписки с друзьями», у представителей русского консервативного национализма, например у Достоевского.

Уже некоторые из славянофилов постарались довести эту позицию до логического конца, отрицая необходимость совершенствования государства и права в принципе. Обратимся к статье Кистяковского: «Так, Константин Аксаков утверждал, что в то время, как “западное человечество” двинулось “путем внешней правды, путем государства”, русский народ пошел путем “внутренней правды”. Поэтому отношения между народом и Государем в России, особенно допетровской, основывались на взаимном доверии и на обоюдном желании пользы. “Однако, — предполагал он, — нам скажут: или народ, или власть могут изменить друг другу. Гарантия нужна!” И на это он отвечал: “Гарантия не нужна! Гарантия есть зло. Где нужна она, там нет добра; пусть лучше разрушится жизнь, где нет доброго, чем стоять с помощью зла”».

³³ Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи. Интеллигенция в России... С. 344.

П.И. Новгородцев

Далее в своей статье Кистяковский процитировал поэта-юмориста Б.Н. Алмазова, который вложил в уста К.С. Аксакова стихотворение, начинающееся словами:

«По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
Сим исчадьем сатаны.
Широки натуры русские,
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал...»³⁴

Возникает вопрос: что же дурного в этой идее как таковой? Сама по себе идея необходимости личного совершенствования не может вызвать возражений. Но тогда почему столь обескураживающими для веховцев стали результаты полемики вокруг их совместного труда, а именно тот факт, что поддержали сборник и выступили с восторженными отзывами о нем лишь мыслители и общественные деятели правого и даже откровенно черносотенного толка?

Вот как — с нескрываемой симпатией — отозвался на сборник «Вехи», конечно, не черносотенец, но мыслитель все-таки правого толка, несмотря на все его антиномии, В.В. Розанов: «...добавлю об интел-

³⁴ См.: Кистяковский Б.А. В защиту права // Там же. С. 114.

лигенции: над черствой бесчувственностью ее и черным бесстыдством ее можно было бы поставить крест, не появившись “Вехи”; но эти русские интеллигенты, все бывшие радикалы, почти эс-деки, и во всяком случае шедшие далеко впереди и далеко левее Мережковского, Философова и Розанова, когда-то деятели и ораторы шумных митингов (Булгаков), вожди кадетов (Струве), позитивисты и марксисты не только в статьях журнальных, но и в действии, в фактической борьбе с правительством, этим удивительным словом в сущности о себе и своем прошлом, о своих вчерашних страстнейших убеждениях, о всей своей собственной личности, вдруг подняли интеллигенцию из той ямы и того рубища, в которых она задыхалась, в высокую лазурь неба»³⁵.

А вот что написал в своем открытом письме авторам сборника один из идеологов черносотенства, один из основателей Союза русского народа архиепископ Антоний (Храповицкий): «Истекающая неделя была для меня праздником: в эти дни, точнее — в эти ночи, я читал “Вехи”. Я читал слова любви, правды, сострадания и веры в людей, в наше общество. <...>

Впрочем, отдельного человека все-таки возможно нравственно отрезать, но когда в упорном заблуждении соединилось большинство общества и объявило зло добром, а добро глупостью, то идти против них хотя бы со словом самого искреннего доброжелательства, — это подвиг. Да, это подвиг, великий и прекрасный. Такой подвиг приняли на себя авторы “Вех”. Они обратились к обществу с призывом покаяния, с призывом верить, с призывом к труду и к науке, к единению с народом, к заветам Достоевского и славянофилов. <...>

Читатели, которым все это дорого, с восторгом приветствуют вас, русские писатели! Мы не знаем, чем больше восхищаться: научностью ли, разумностью ли ваших доводов, или примиренным любящим голосом вашего обращения к инакомыслящим, или вашей верой в силу человеческой совести даже у тех, кто ее отрицает и в теории, и на практике; или, наконец, вашей суворовской храбростью, вашим восторженным мужеством, с которым вы, подобно уверовавшему Савлу, обращаетесь к своим братьям по бывшему ложному увлечению. Все эти свойства речи может внушить только возвышенная, благородная душа, широко просвещенный светлый ум и русское открытое сердце. <...>

Ваша книжка раскупается нарасхват; она возбуждает бледный страх среди упорных поборников нигилизма, но искренних между ними за-

³⁵ Цит. по: Вехи. Интеллигенция в России... С. 455.

ставляет с радостным трепетом возвращаться к разумной и праведной жизни. Можно опять радоваться за русских людей, можно снова взирать на их заблуждения и падения, как на временное безумие и болезнь, можно снова надеяться на русское общество, на Русь. <...>

Вы пошли на правое дело без расчета, не подумали о том, сколько нравственных заушений придется вам принять за правду. Пошли, убив в себе всякое тщеславие, следуя только совести и любви. Вы знали, что если и не поймут вас на земле люди, то будут приветствовать с неба ангелы. <...>

Ваше дело, ваша книга, есть событие, событие чистое, христианское, русское»³⁶.

(Добавим, что подобного рода прием «Вех» правыми кругами российской общественности заставил их авторов отказаться от идеи издать еще один сборник под названием «О национальном лице». Видимо, веховцам не улыбалась перспектива оказаться еще раз обласканными черносотенцами.)

Конечно, было бы неправильным размещать авторов сборника «Вехи» на правой части российского политического спектра. Конечно, у них были совсем иные мотивы, чем у черносотенцев. Веховцев испугал путь, избранный русской интеллигенцией, они увидели в нем истоки грядущей катастрофы. Правых же волновали иные, корыстные мотивы — желание сохранить существующую власть и свои привилегии. Но факт остается фактом: при всей разнице мотивов и субъективных намерений, веховцы объективно оказались в одной компании с крайне правыми и были восприняты как их вольные и невольные союзники. Этот исторический факт показывает малоперспективность сидения «между двумя стульями» в поляризованной политической обстановке.

Авторы «Вех», сами того не желая, встали в один ряд с правыми по следующим причинам: 1) выдвигая идею приоритета внутренней жизни, они ударились в другую крайность и о внешнем переустройстве отзывались, по сути, однозначно отрицательно; 2) они совсем отбросили при этом конкретно-исторические обстоятельства. А между тем, как справедливо отмечал известный русский философ и юрист П.И. Новгородцев, «изменение внешних форм — ведь это означает в России победу возможности для каждого развиваться и расти, думать и говорить, веровать и молиться, свободу жить и дышать; это значит

³⁶ Цит. по: Вехи. Интеллигенция в России... С. 458–459.

освобождение от тех угнетающих условий, которые насильственно задерживали рост народной жизни и довели ее до неслыханных ужасов всеобщего нестроения.

Проповедовать русским, что внешние формы жизни не важны, все равно что людям, настрадавшимся от долгого пребывания в тесном и душном помещении, говорить, что для них не важно перейти в светлый и просторный дом. Конечно, жить в светлом доме — не значит иметь все, что нужно для полноты человеческого существования; но во всяком случае, это такое наглядное и бесспорное благо, ценность которого нет необходимости доказывать и защищать»³⁷.

Таким образом, игнорируя конкретные российские условия, веховцы объективно как бы стали рядом с теми, кто отрицал необходимость перемен по своим корыстным соображениям.

Вышеизложенное вовсе не умаляет значения сборника, вскрывшего многие изъяны освободительного движения, высказавшего много верных замечаний, привлекающих наше внимание и сейчас. Но, являясь попыткой встать над схваткой, «Вехи» не могли быть спокойно восприняты в условиях острого политического противостояния. Кроме того, в сборнике не было убедительной позитивной программы. Она свелась, по сути, к проповедям, между тем как еще в середине XIX в. В.Г. Белинский отмечал, что Россия довольно слушала их, и не проповеди ей нужны, а успехи цивилизации, просвещения, гуманности³⁸. Подобные попытки имеют мало шансов на адекватную оценку современниками, а главное, на свое осуществление. Это подтвердили и последующая история России, и судьбы авторов.

³⁷ Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996. С. 16.

³⁸ См.: Белинский В.Г. Письмо к Н.В. Гоголю от 15/3 июля 1847 г. // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. В 14 т. Т. 8. М.; Л., 1952. С. 501.

REFERENCES

1. *Bagdasarjan V.Je., Resnjanskij S.I.* Sbornik «Vehi» v kontekste obshhestvennoj polemiki o putjah razvitija Rossii: opyt introspektivnogo analiza [Collection «Milestones» in the context of public controversy about the ways of Russia's development: the experience of introspective analysis] // Vestnik RUDN. Serija «Istorii Rossii» [Bulletin of RUDN University. Series «History of Russia»]. 2015. № 1. S. 21–41.
2. *Lazareva A.N.* Intelligencija i religija (K istoricheskomu osmysleniju problematiki «Veh») [The Intelligentsia and Religion (On the assessment of the problem of understanding «Milestones»)]. M.: IF RAN, 1996. 85 s.
3. *Maslin M.A.* «Vehi»: Rossija, zarubezh'e i sovremennij kontekst [«Milestones»: Russia, foreign countries and modern context] // Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]. Serija 7 «Filosofija». 2009. № 4. S. 3–17.
4. *Portnjagina M.A.* Russkij liberalizm posle revoljucii 1905–1907 gg. (Obshhestvenno-politicheskie pozicii S.N. Bulgakova, M.O. Gershenzona, A.S. Izgoeva). Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Russian liberalism after the revolution of 1905–1907. (Socio-political positions of S.N. Bulgakov, M.O. Gershenzon, A.S. Izgoev.) Abstract dis. ... cand. ist. sciences]. SPb., 1994.

Ключевые слова:

Русская общественная мысль, сборник «Вехи», М.О. Гершензон, П.Б. Струве, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Б.А. Кистяковский, А.С. Изгоев, В.И. Ленин, П.Н. Миллюков, А.В. Пешехонов, П.И. Новгородцев

Viktor I. Goltsov

TO THE QUESTION ABOUT FEATURES OF RUSSIAN PUBLIC THOUGHT AND THE PLACE OF THE COLLECTION «VEKHI» IN ITS HISTORY

The article describes the meaning of Public Thought as a social, political and spiritual reflection of Russian society. The reasons for a large number of theories devoted to the arrangement of Russia are highlighted, shown are the main methods outlined in them for improving life in the country. In the context of this general analysis, the place of the collection «Vekhi» in the history of Russian Public Thought is shown, and a critical analysis of its concept is given.

Key words: Russian Public Thought, the collection «Vekhi», Mikhail Gershenzon, Peter Struve, Sergei Bulgakov, Nikolai Berdyaev, Semyon Frank, Bogdan Kistyakovski, Alexander Izgoev, Vladimir Lenin, Pavel Milyukov, Alexey Peshekhonov, Pavel Novgorodtsev.

Viktor I. Goltsov – Ph.D. in History (Samara).

 Гольцов Виктор Иванович

кандидат исторических наук, г. Самара